

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ К РАЗЛИЧНЫМ ТИПАМ РИСКОВ

А. В. Мозговая¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.

117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Для цитирования: Мозговая А. В. Стратегии адаптации к различным типам рисков // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 3. С. 32–46. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7485

Аннотация. Риски повседневности отличаются как от острых рисков, жёстко вторгающихся в привычный жизненный уклад, так и от рисков, проектируемых, потенциальных. Исходным в статье является положение о том, что стратегии, способы, ресурсы, активируемые для адаптации к различным типам риска, имеют отличия. Автор подвергает эмпирической апробации идею о том, что, кроме субъективной значимости ущерба, на выбор стратегии адаптации к различным типам риска могут влиять те или иные составляющие системы жизненного ориентирования личности. Эмпирическую базу анализа составляют данные репрезентативных опросов населения трёх территориальных общностей.

Обобщаются результаты сравнительного анализа компонентов системы ориентирования в социальной реальности и тип рациональности представителей трёх стратегий адаптации («наблюдатели», «борцы», «беглецы») к повседневным, потенциальным, актуальным (острым) рискам.

Общий вывод из проведённого анализа эмпирических данных состоит в том, что при наличии «случайных» различий, безусловно, наблюдаются устойчивые, статистически надёжные значения ряда факторов, которые однозначно можно интерпретировать как детерминанты выбора стратегии адаптации к тому или иному типу риска. Приведённый анализ служит обоснованием авторской концепции жизненного ориентирования.

Ключевые слова: типы риска; адаптационные стратегии; личностная значимость; жизненное ориентирование.

Введение

Риск стал частью нашей повседневной жизни и требует от индивида, от общности, от общества в целом определённых адаптационных действий для снижения уязвимости от возможных негативных последствий происходящих явлений и процессов. Интерес к исследованию адаптационного поведения в условиях риска и неопределённости увеличивается по мере углубления социальных изменений. Исходным является понимание «адаптивного поведения как осознанной конструктивной активности личности» для преодоления жизненных трудностей на основе собственного опыта и адаптивных возможностей [Максимова и др., 2011: 117].

Анализ данных профильных, в том числе собственных, исследований выявил тот факт, что оценка и поведение в условиях рисков повседневности отличаются от поведения как в условиях рисков, жёстко внедряемых в привычный жизненный уклад, так и проектируемых, потенциальных. Полагаем, что стратегии, способы, ресурсы, активируемые для адаптации к различным типам риска, имеют отличия.

Позиция автора состоит в убеждении, что *выбор* стратегии адаптационных действий в ситуациях неопределённости представляет собой конструирование способа использования ресурсного потенциала, исходя из: *субъективной ценности* (значимости, полезности) того или иного исхода, разрешения проблемной ситуации. Кроме субъективной значимости ущерба, на выбор стратегии адаптации могут влиять те или иные составляющие системы жизненного ориентирования личности: представления о жизненных перспективах как образе будущего; индивидуальный ресурсный потенциал; жизненный опыт; институционально-нормативный контекст как ресурс обеспечения социальной защищённости. В одной из последних статей автора было показано, что так или иначе осознанная или не осознаваемая субъективная значимость потерь того или иного типа влияет на стратегию адаптации индивида к рискам, обусловленным изменениями в среде [Мозговая, 2019]. В данной статье анализируется взаимосвязь декларируемой респондентами стратегии адаптации к рискам различного типа с составляющими системы жизненного ориентирования.

Эмпирическая основа, исходные положения и методика анализа

Эмпирическую базу анализа составляют данные нескольких исследований:

- массив данных, собранных в 1999 г. по случайной бесповторной выборке, репрезентирующей половозрастной состав населения, начиная с 18 лет, в городе Воскресенске Московской области (количество опрошенных составило 166 человек);
- данные опроса населения острова Сахалин, проведённого в 2000 г. по бесповторной районированной случайной выборке, репрезентирующей половозрастной состав населения, начиная с 18 лет. Районирование осуществлялось по критерию особенностей природопользования: промышленное рыболовство, нефтедобыча, крупный город. Общее количество опрошенных составило 500 человек. Исследование проводилось совместно с Фондом дикой природы при поддержке Администрации Сахалина;
- данные регионального опроса населения Новохопёрского района Воронежской области, проведённого в 2013 г. по договору оказания экспертных услуг с Агентством по инновациям и развитию Воронежской области по квотной выборке, репрезентирующей половозрастной состав населения района, начиная с 18 лет. Планировалась выборка объёмом 500 человек, после контрольной процедуры и ремонта выборки принято к анализу 394 анкеты.

В таблице 1 представлено распределение респондентов по различным типам стратегий.

Таблица 1

Декларируемые респондентами стратегии адаптации к рискам среды,
% к общему количеству опрошенных в каждом массиве

Характеристика массива данных опроса	Адаптационные стратегии		
	«Наблюдатели» – примут изменения среды	«Борцы» – будут активно сопротивляться изменениям, навязываемым средой	«Беглецы» – сменят среду
Воскресенск – средний город с наличием старого химического производства; риск привычный, повседневный (n = 166)	57	32	11
Сахалин в период реализации проекта «Шельф»; риск потенциальный, последствия неочевидны (n = 500)	34	55	11
Новохопёрский район Воронежской области в период начала разработки медно-никелевых рудопроявлений; риск актуальный, острый при наличии массовых протестных выступлений населения (n = 394)	66	25	9

Примечание: численность совокупности «беглецов» по массиву города Воскресенска меньше 30 человек; тем не менее автор включает эту совокупность в сравнительный анализ, поскольку данные оказались показательными и сопоставимыми.

Ситуация в инструментарии формулировалась как навязываемый институциональной средой риск непосредственно здоровью, имуществу респондента, входящей в его жизненное пространство природной среде. Стратегия респондентом таким образом соотносилась с адаптацией к нововведениям, решение о которых принималось представителями институционально-властной среды. Данные показывают, что стратегии, декларируемые респондентами, проживающими в условиях повседневных рисков и в условиях актуального, острого риска, существенно не отличаются: большая часть опрошенных выбирает стратегию «наблюдателя». Среди жителей Сахалина «борцов» значительно больше, хотя риски ещё не очевидны. Причём дополнительный анализ показывает, что такие данные характерны для всех семи точек опроса. Между тем по оценкам недопустимости ущербов регион потенциального риска не отличается спецификой, иными словами, специфического предмета «борьбы» нет. Интересно выяснить, связана ли ориентация на «борьбу» как стратегия адаптации к рискам со спецификой системы ориентирования в социальной реальности и типом рациональности или «островная» среда и «островной народ» имеют ряд отличий.

На формулирование стратегии взаимодействия с рисками, навязываемыми средой, влияет множество объективных и субъективных условий жизни и свойств личности респондента. Для более глубокого анализа в инструментарий опро-

са включались позиции, где респонденту предлагалось сделать выбор характера своих действий в довольно жёсткой, но типичной ситуации: управленческое нововведение обосновывается социальными и экономическими выгодами на уровне поселенческой общности, при этом существует вероятность ущерба здоровью, имуществу, привычной природной среде респондента. Фактически человек должен определить на основе какой ценности он будет строить своё отношение к нововведению, к риску, навязанному средой.

Автор исходит из того, что *выбор стратегии* действий в ситуациях неопределённости коррелирует как с субъективной значимостью / полезностью / ценностью объекта возможного ущерба, так и с *индивидуальной системой ориентирования в социальной реальности*, которая создаётся индивидом в процессе социализации, а также с характерным для индивида способом взаимодействия со средой в ситуациях с многовариантным исходом — *рациональностью*. Из составляющих этой системы ориентирования доступны для анализа, исходя из возможностей инструментария опросов, жизненные цели и планы, индивидуальный ресурсный потенциал, жизненный опыт, уровень институциональной защищённости. Кроме того, доступен анализ ряда характеристик рациональности.

Для анализа специфики процесса идентификации, оценки и выбора способа адаптации выбраны параметры тех ресурсов, жизненного опыта и институциональной защищённости, которые имеют отношение к оценке ценности здоровья, имущества, собственности, природной среды. Отбирались параметры, которые содержались в инструментарии трёх опросов и, следовательно, позволяли произвести сравнительный анализ для ситуаций *повседневного, потенциального и актуального (острого)* риска. Они представлены в таблице 2.

Таблица 2

Эмпирическая интерпретация компонентов ресурсного потенциала

Компонент ресурсного потенциала	Эмпирическая интерпретация
Естественные ресурсы	Гендерная принадлежность, уровень образования, возраст, брачное состояние, наличие детей, занятость
Физические и психологические ресурсы	Физическое здоровье: оценка, удовлетворённость, наличие хронических заболеваний; опыт пережитых потерь (тяжёлый недуг); степень защищённости в сфере медобслуживания: оценка угрозы неправильного диагноза и лечения, отказа в бесплатной медицинской помощи, удовлетворённость медобслуживанием
Материальные ресурсы	Опыт материальных потерь (имущества, собственности), удовлетворённость благосостоянием, степень защищённости от бедности и бездомности
Духовные ресурсы	Защищённость от экологического бедствия, от средовых рисков отравления, установки относительно техногенного воздействия на природную среду, здоровье и улучшение жизни человека
Отношение к риску как оценка защитной функции институционально-властной среды	Допустимость материального, психологического, физического, духовного ущерба, отношение к приемлемости и компенсации риска, контроль над риском, доверие институционально-властным структурам в сфере охраны окружающей среды и здоровья населения; оценка степени защищённости в этих сферах

Результаты анализа

Обобщаются результаты сравнительного анализа компонентов системы ориентирования в социальной реальности и тип рациональности представителей трёх стратегий адаптации («наблюдатели», «борцы», «беглецы») к повседневным (город Воскресенск), потенциальным (Сахалин), актуальным (острым) рискам (Новохопёрский район Воронежской области).

Жизненные перспективы

Возможность замерить представления респондентов о жизненных перспективах представляется по параметру стратегического планирования через наличие главных жизненных целей и степени их реализации. Анализ данных показал, что стратегическое планирование жизни (главные жизненные цели) характерно для представителей всех типов стратегий, но в большей степени для «беглецов». На вопрос о наличии в настоящем или в прошлом главных жизненных целей положительный ответ дают 88% «наблюдателей», 89% «борцов» и 97% «беглецов». В таблице 3 представлена информация о степени осуществления жизненных целей для респондентов Новохопёрского района – актуальный, острый риск.

Таблица 3

Осуществление жизненных целей, %

Степень осуществления жизненных целей	«Стратегические» группы		
	«Наблюдатели»	«Борцы»	«Беглецы»
Цели осуществились	46	21	14
Респондент на пути к осуществлению главных жизненных целей и уверен, что добьётся своего	47	63	86
Респондент уже не верит в осуществление своих главных жизненных целей	7	16	-

«Борцы» и особенно «беглецы» находятся на этапе жизненной активности, реализации своих жизненных перспектив, образа будущего. Видимо, поэтому позиция «наблюдателя» им не подходит.

Индивидуальный ресурсный потенциал, жизненный опыт, институциональный контекст и стратегия адаптации к рискам

Естественные ресурсы. Сравнительный анализ показывает, что доля женщин существенно выше среди «борцов» Сахалина (потенциальные риски), «беглецов» Воскресенска (повседневные риски) и существенно ниже среди «беглецов» Новохопёрского района (острый, актуальный риск).

Среди выбравших стратегию «борцов» и «беглецов» в целом по всем массивам выше доля респондентов в возрасте до 44 лет. Причём среди «борцов» Воскресенска доля составляет 69%, среди «беглецов» – 67%. Среди «беглецов» Сахалина – 71%, «беглецов» Новохопёрского района – 57% респондентов.

Доля не имеющих детей выше среди «беглецов»: порядка 40% опрошенных при 11–18% в других целевых группах. По уровню образования отличаются «беглецы» Новохопёрского района: доля имеющих высшее образование составляет 76% против 20–33% респондентов в других группах. Среди «беглецов» во всех массивах выше доля не состоящих в браке: в среднем 30% респондентов при 7–10% в других группах. Доля работающих выше среди «борцов» и «беглецов», особенно в Новохопёрском районе.

Физические и психологические ресурсы. На рисунке 1 представлено распределение оценок состояния здоровья по позиции «хорошее» и «очень хорошее» (в сумме).

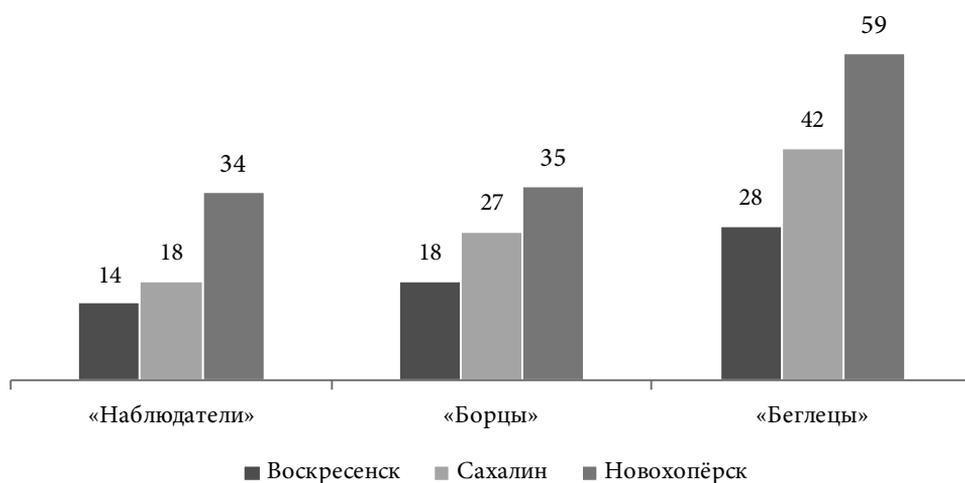

Рис. 1. Доля оценивающих своё здоровье как «хорошее» и «очень хорошее», %

Доля оценивающих своё здоровье как хорошее и очень хорошее во всех «стратегических» группах выше у респондентов Новохопёрского района. Достаточно высока доля таких респондентов среди «беглецов» Сахалина. Хронические заболевания имеются в среднем у 50% респондентов во всех анализируемых группах и массивах.

Удовлетворённость состоянием здоровья в целом выше у респондентов Новохопёрского района: доля высоких оценок удовлетворённости составляет 53% у «наблюдателей», 59% у «беглецов». «Беглецы» в целом демонстрируют высокую удовлетворённость здоровьем. Невысокие оценки удовлетворённости здоровьем у «борцов»: 37% у респондентов Сахалина, 35% – Новохопёрского района, 24% – Воскресенска.

Удовлетворённость медицинским обслуживанием низкая, при этом у всех «стратегических» групп Новохопёрского района несколько выше. Так, доля удовлетворённых (оценки «5» и «4» по пятибалльной шкале в сумме) составляет 35, 17, 35% против 7, 8, 6%.

Степень защищённости от отказа в бесплатной медицинской помощи и правильного диагноза и лечения низкая: от 10 до 30%, и сравнительно выше у сахалинцев.

Доля переживших тяжёлый физический недуг меньше у «беглецов» Воскресенска: 22 против 51% Новохопёрского района и 38% Сахалина.

«Борцы» и «беглецы» имеют, по их же самоидентификации, более активный психологический статус: исполнительность, самостоятельность в действиях отмечают более 70% респондентов. Среди «наблюдателей» больше психологически пассивных.

Материальные ресурсы. Опыт материальных потерь – утраты имущества, собственности – выше в целом у «наблюдателей» и самый значимый – у респондентов Новохопёрского района: 35 против 17 и 28%. У «борцов» и «беглецов» в целом опыт материальных потерь значительно ниже.

Рисунок 2 даёт представление об удовлетворённости респондентов благосостоянием семьи.

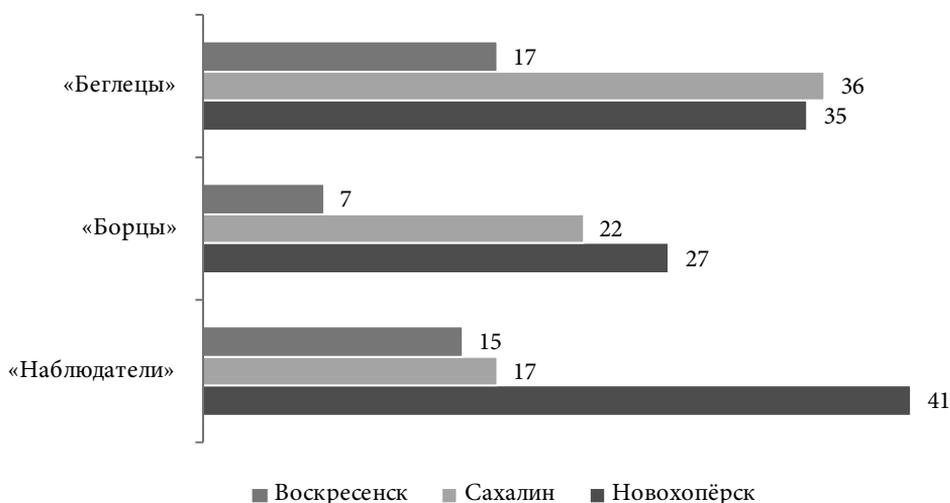

Рис. 2. Высокая удовлетворённость благосостоянием семьи в «стратегических» группах, в % высоких оценок «4» и «5» в сумме по пятибалльной шкале

Удовлетворённость благосостоянием семьи выше у «наблюдателей» Новохопёрского района (41%) и «беглецов» Новохопёрского района (35%), а также «беглецов» Сахалина (36%).

Степень защищённости от бедности и бездомности низкая: более 40% опрошенных определяют свой статус как «совсем не защищён». В целом оценки выше у сахалинцев (рис. 3).

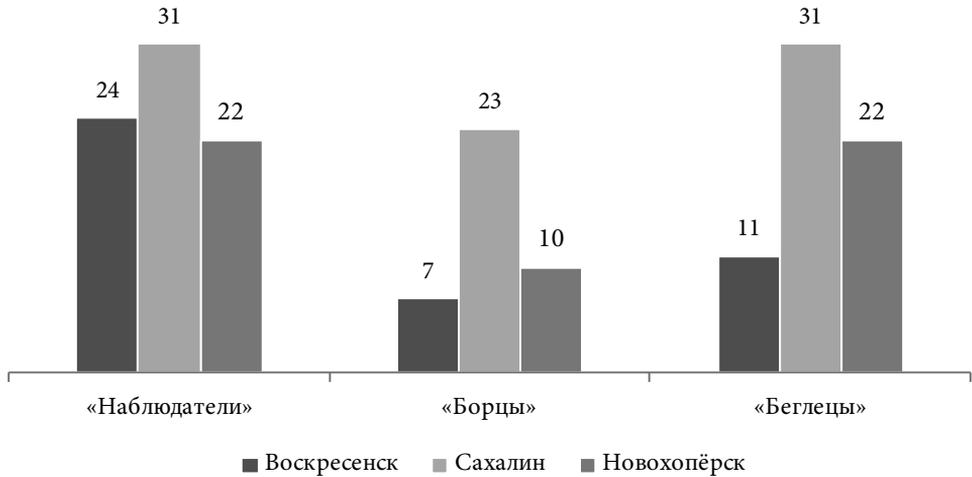

Рис. 3. Доля считающих себя защищёнными от бедности и бездомности, %

Духовные ресурсы

На рисунке 4 представлены данные самооценок степени защищённости от экологического бедствия, которые дают респонденты из «стратегических» групп анализируемых массивов опрошенных.

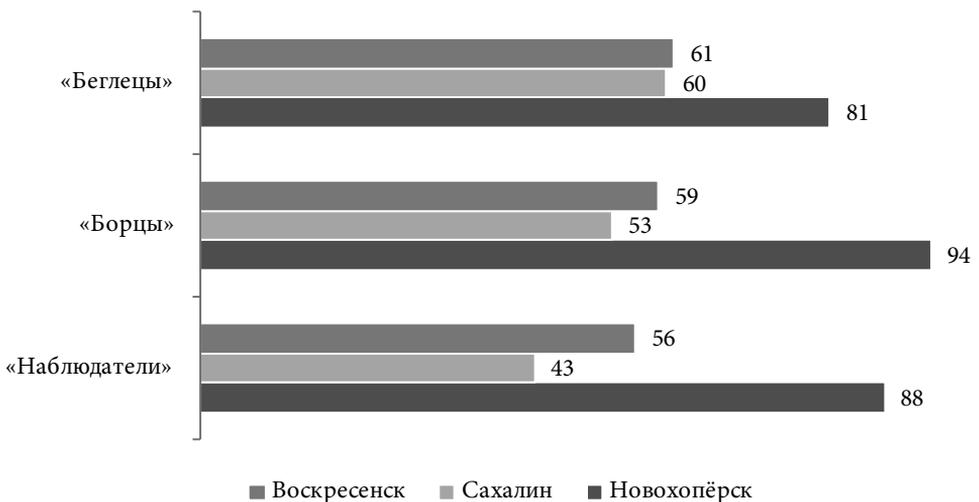

Рис. 4. Защищённость от экологического бедствия: доли низких оценок («1» и «2» по пятибалльной шкале) в каждой «стратегической» группе, %

Выявлен крайне низкий уровень защищённости от экологического бедствия во всех группах и во всех массивах. Ниже всего свою защищённость оценивают респонденты Новохопёрского района (актуальный, острый риск): доли совсем не защищённых у «наблюдателей» – 88%, у «борцов» – 94%, у «беглецов» – 81%. Сходное распределение оценок фиксируется по защищённости от отравления вредными веществами, сбрасываемыми в воду, воздух, почву, – 89, 97 и 91% при средних оценках в других массивах около 40%.

Доля считающих возможным совмещение интересов добывающей и перерабатывающей промышленности (горное дело, нефтяная отрасль) и сохранения окружающей природной среды варьирует от 20% (Новохопёрский район – «борцы») до 59% (Сахалин – «борцы»). Самая высокая доля отрицающих такую возможность у «борцов» Новохопёрского района – 31%. Соглашаться с тем, что абсолютную безопасность здоровья населения и окружающей среды обеспечить невозможно и стремиться надо к приемлемому риску, склонно большинство «наблюдателей»: среди респондентов Новохопёрского района у «наблюдателей» так считают 71%, у «борцов» 46%, у «беглецов» 67%. Более 70% сахалинцев сталкивались с гибелью рыбы из-за техногенного воздействия; причём 20% «наблюдателей», 16% «борцов», 2% «беглецов» отмечают, что гибель рыбных ресурсов для них означает голод, а слом жизненного уклада – 25, 30 и 35% респондентов соответственно.

Отношение к риску и институциональный контекст

В таблице 4 представлены данные о допустимости четырёх видов ущерба интересующими нас «стратегическими» группами в массиве опрошенных города Воскресенска (повседневные риски) и Сахалина (потенциальный риск).

В целом «беглецы» по всем типам ущерба дают низкие оценки допустимости и относительно высокие оценки недопустимости, особенно это касается психологического и духовного типов ущерба. Причём сахалинцы, которые ещё не столкнулись непосредственно с неблагоприятными последствиями промышленного освоения нефтяных запасов, а повседневные риски для них не связаны с вредными предприятиями, оценки дают менее напряжённые.

Инструментарий опроса в Новохопёрском районе позволяет зафиксировать, ощущают или нет респонденты *реальные* угрозы материальному, физическому, психологическому и духовному компоненту ресурсного потенциала. Здесь ясно проявляется следующая тенденция: угрозу материального ущерба реально ощущают не более 12% респондентов в каждой из трёх «стратегических» групп; угрозу физического ущерба – от 38% («беглецы») до 48% («наблюдатели»); психологического – от 11 до 19% опрошенных. Имеет место существенный «разброс» мнений относительно духовного ущерба, который в данном исследовании «расшифровывался» через деградацию природной среды: если среди «борцов» доля реально ощущающих угрозу духовного ущерба составляет 47%, «беглецов» – 32%, то среди «наблюдателей» эта доля составляет 15%.

Таблица 4

Допустимость ущерба «стратегическими» группами, %

Тип ущерба / Степень допустимости	Стратегия адаптации / Место опроса					
	«Наблюдатели»		«Борцы»		«Беглецы»	
	Воскресенск	Сахалин	Воскресенск	Сахалин	Воскресенск	Сахалин
Ущерб допустим						
Материальный	24	35	22	32	17	33
Физический	27	30	17	26	22	23
Психологический	24	29	18	26	5	12
Духовный	20	32	22	27	5	21
Ущерб допустим при определённых обстоятельствах						
Материальный	33	35	46	42	33	36
Физический	18	32	33	33	18	37
Психологический	25	30	33	35	39	38
Духовный	43	24	35	28	39	19
Ущерб не допустим ни при каких обстоятельствах						
Материальный	43	30	32	26	50	31
Физический	55	38	50	41	60	40
Психологический	51	41	49	39	56	50
Духовный	37	44	43	45	56	60

Соглашаются с тем, что проживание в непосредственной близости от потенциально опасного производства можно компенсировать целым рядом выгод и гарантий, более половины «наблюдателей» и Воскресенска и Сахалина, в среднем 40% «борцов» и треть «беглецов» Воскресенска, а также половина «беглецов» Сахалина. Порядка 40% респондентов отмечают, что они слабо контролируют риски для здоровья.

В таблице 5 представлены данные относительно мнений респондентов о влиянии актуальных проектов разработок медно-никелевых и нефтяных месторождений на жизнь проживающих непосредственно в данных местах людей, населения области в целом, а также на их личную жизнь.

Следует отметить: при том, что 65% «наблюдателей» Новохопёрского района признают, что освоение месторождений никак не изменит или даже усложнит их жизнь, считают, что разработки нужны, 54% опрошенных; для «борцов» соотношение составляет 83 к 55%; для «беглецов» – 71 к 48%.

При 54% считающих, что разработки нужны, только 32% «наблюдателей» Новохопёрского района согласны с тем, что политика властей в отношении производственных и добывающих предприятий ориентирована на интересы будущих поколений; для «борцов» аналогичное соотношение составляет 55 к 27%, для «беглецов» – 48 к 35%. Примерно такие же соотношения наблюдаются и между долями считающих, что разработки нужны, и соглашающихся с тем, что, принимая решения, связанные с риском для здоровья населения и среды обитания, власти учитывают интересы населения: 54 к 36% («наблюдатели»), 55 к 16%

(«борцы»), 48 к 28% («беглецы»). Таким образом, при невысоком уровне доверия институционально-властным структурам в сфере защиты здоровья населения и охраны окружающей среды, более половины респондентов поддерживают разработки месторождений.

Таблица 5

**Стратегия адаптации и оценка влияния проектов освоения недр
Сахалина и Новохопёрского района Воронежской области на жизнь населения**

Характер влияния на жизнь	Наименование проекта / стратегия адаптации					
	Проект «Шельф», Сахалин			Разработка медно-никелевых месторождений, Новохопёрский район		
	«Наблюдатели»	«Борцы»	«Беглецы»	«Наблюдатели»	«Борцы»	«Беглецы»
Место проживания респондентов						
Улучшится	57	50	48	82	66	92
Не изменится	31	38	35	15	6	-
Ухудшится	12	12	17	3	28	8
На Сахалине			В Воронежской области			
Улучшится	77	69	69	82	72	89
Не изменится	12	21	19	15	10	8
Ухудшится	11	10	11	3	18	3
Личная жизнь респондента						
Улучшится	В инструментарии вопрос отсутствовал			36	17	29
Не изменится				55	33	49
Ухудшится				9	50	22

Рациональность как способ взаимодействия с неопределённостью

Категория рациональности в эмпирической социологии, имеющей непосредственное отношение к опросам, имеет статус фундаментальной. Существенное повышение социологической значимости понятия связано с формированием социологического направления теории рационального выбора, которое возникло как объяснительная концепция субъективного выбора действий (решения) для достижения выигрышного результата при минимальных ресурсных затратах.

При несомненной объяснительной ценности теории рационального выбора для целого ряда ситуаций решения в условиях риска не укладываются в координаты «выгода – потери» по заданным критериям [Kahneman et al, 1982]. Опыт эмпирических разработок (в том числе и собственный опыт автора статьи) убедительно показывает, что исходное положение теории рационального выбора о том, что люди выбирают по критерию максимальной *полезности*, в условиях риска не срабатывает, так как основным критерием в этих условиях выступает *минимизация ущерба и снижение уязвимости*.

Рациональность представляется важнейшим фактором социального бытия человека. Измерить её, разложив на составляющие, столь же трудно, сколь интересно и познавательно. В тех исследованиях, данные которых анализируются в статье, доступны следующие параметры: характерный для респондента тип контролирования своей жизненной ситуации (ведущий / ведомый); практикуемые респондентом способы решения жизненных проблем; практика активных действий в социальной реальности; потребность в информации и уровень информированности о среде как социально-институциональной, так и природной.

Для получения информации о типе контроля над своей жизненной ситуацией респонденту предлагалось отнести себя к одной из двух групп людей: одни живут, как живётся, вынуждают обстоятельства — принимают решения, в общем, *живут по обстоятельствам* (в рамках авторской концепции — это «ведомые»); другие люди стремятся куда-то, предпринимают действия, решения, идут не вслед за кем-то или чем-то, а пытаются *управлять обстоятельствами* («ведущие», в отличие от «ведомых»). Анализ показывает, что значение индекса, сконструированного как соотношение «ведомых» к «ведущим», в группах «наблюдателей» и «борцов» примерно одинаковое и составляет порядка 2,2 — 2,4, иными словами — «ведомых» больше, чем «ведущих», чуть более чем в два раза. Интересно, что в группе «беглецов» аналогичный индекс составляет 1,3 — 1,4. То есть «ведомых» незначительно больше, чем «ведущих». Иначе говоря, «беглецы» отличаются способностью и практикой активного контроля над своей жизненной ситуацией.

Установить способы решения проблем, характерные для различных стратегических групп, представляется возможным по ответам респондентов на соответствующий вопрос инструментария. В таблице 6 представлены данные для массивов Новохопёрского района (актуальный, острый риск) и города Воскресенска (повседневные, привычные риски) по позиции «берут ситуацию под контроль».

Таблица 6

Контроль как способ решения жизненных проблем, %

Способ решения проблем	«Стратегические» группы»					
	«Наблюдатели»		«Борцы»		«Беглецы»	
	Воскресенск	Новохопёрский р-н	Воскресенск	Новохопёрский р-н	Воскресенск	Новохопёрский р-н
Берут ситуацию под контроль	59	53	63	42	44	73

Потребность в информации о природной и социальной среде декларируют более 80% респондентов вне зависимости от принадлежности к той или иной «стратегической» группе или массиву опрошенных. Низко оценивается степень информированности: хорошо информированы менее 20% респондентов. Доля респондентов, предпринимавших активные социальные действия в защиту своих интересов, также невысока — 6–7%, у «борцов» и «беглецов» Новохопёрского района несколько выше — 27 и 22% соответственно. Мотивы активных действий — ухудшение здоровья (до 80%) и резкое падение уровня жизни, обни-

щание (до 60%). Разрушение природной среды, гибель животных оказываются слабым мотивом для активных действий, только в Новохопёрском районе этот мотив более выражен у «борцов» – у 35% опрошенных.

Заключение

Общий вывод из проведённого анализа эмпирических данных состоит в том, что при наличии «случайных» различий, безусловно, наблюдаются устойчивые, статистически надёжные значения ряда факторов, которые однозначно можно интерпретировать как детерминанты выбора стратегии адаптации к тому или иному типу риска.

Анализ взаимосвязи типа риска (повседневный, потенциальный, острый) с составляющими системы ориентирования в социальной реальности, типом рациональности и декларируемыми стратегиями действий в ситуациях неопределённости позволяет сформулировать ряд общих суждений и выводов.

Тип риска значимо связан со стратегией адаптации применительно к острым, актуальным рискам; отличия имеются по параметрам индивидуального ресурсного потенциала и рациональности:

- обширный опыт материальных потерь у «наблюдателей»;
- низкая степень защищённости от бедности и бездомности у «беглецов»;
- крайне низкая степень защищённости от экологических проблем у «борцов»;
- крайне низкий уровень доверия институциональной среде в сфере защиты природы и здоровья населения у «борцов»;
- способность и практический активный контроль над жизненной ситуацией и высокая доля имеющих опыт активных действий в защиту своих интересов у «беглецов».

Составляющие индивидуальной системы ориентирования в социальной реальности в той или иной степени связаны со стратегией действий в ситуациях всех типов риска:

- для «борцов» и «беглецов» характерно стратегическое планирование жизни, они находятся на этапе жизненной активности, реализации жизненных планов, и позиция «наблюдателей» им не подходит;
- имеется специфика в структуре естественных ресурсов «беглецов»: отсутствие детей, высокий уровень образования, солидная занятость, активный психологический статус;
- фиксируется чёткая установка «борцов» и «наблюдателей» на приемлемый риск, на возможность совмещения интересов добывающей промышленности и благоприятной природной среды и здоровья населения, на компенсацию за риск;

- крайне низкая степень доверия институциональной среде и низкий уровень институциональной защищённости, низкая степень удовлетворённости жизненными условиями, особенно у «борцов», что свидетельствует о низких оценках социального самочувствия и об уязвимости, рост которой может обусловить участие в протестных действиях.

Признавая тот факт, что представленные выводы справедливы по отношению к массивам данных, которые анализируются в статье, автор считает, что они однозначно подтверждают исходное положение о зависимости выбора стратегии адаптации от типа риска и от системы жизненного ориентирования личности. Приведённый анализ служит обоснованием авторской концепции жизненного ориентирования.

Список литературы

Максимова С. Г. Адаптивные стратегии населения Алтайского края в нестабильных социально-экономических условиях / С. Г. Максимова, О. Е. Ноязина, Н. П. Гончарова, Д. А. Омельченко, Г. С. Авдеева // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. № 12 (86). С. 117–120.

Мозговая А. В. Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределённости // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 4. С. 154–168. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6808

Kahneman D., Slovic P., Tversky A. (Eds.) Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 555 p.

Дата поступления в редакцию: 22.05.2020. Принята к печати: 10.06.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мозговая Алла Викторовна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: mozgovai@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 71630

DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7485

Adaptive Strategies for Different Kinds of Risk

A. V. Mozgovaya¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

24/35, b. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218

For citation: Mozgovaya A. V. (2020). Adaptive Strategies for Different Kinds of Risk. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 8. № 3. P. 32–46. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7485

Abstract. The risks of everyday life differ both from acute risks that harshly intrude into the usual way of life, and from risks, let's say, projected, potential. The starting point in the article is that strategies, methods, and resources that are activated to adapt to different types of risk have differences. The author exposes the empirical testing of the idea that in addition to the subjective significance of damage, the choice of strategies for adaptation to various types of risk can be influenced by certain components of the system of life orientation of the individual. The empirical base of the analysis consists of data from representative surveys of the population of three territorial communities.

The results of a comparative analysis of the components of the orientation system in social reality and the type of rationality of representatives of the three strategies of adaptation (“observers”, “fighters”, “runaways”) to everyday, potential, actual (acute) risks are summarized.

The General conclusion from the analysis of empirical data is that in the presence of “random” differences, stable, statistically reliable values of a number of factors are certainly observed, which can be unambiguously interpreted as determinants of the choice of strategy for adaptation to a particular type of risk. This analysis serves as a justification for the author’s concept of life orientation.

Keywords: types of risk, adaptive strategies, safe-significance, system of life orientation

REFERENCES

Maksimova S. G., Noyazina O. U., Goncharova N. P., Omel’chenko D. A., Avdeeva G. S. (2011). Adaptivnye strategii naseleniya Altajskogo kraja v nestabil’nyh social’no-ekonomicheskikh usloviyah. [Adaptive strategies of the population of the Altai territory in unstable socio-economic conditions]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. № 12 (86). P. 117–120. (In Russ.).

Mozgovaya A. V. (2019). Identifikaciya, ocenka i adaptaciya k risku v usloviyah neopredelyonnosti. [Identification, assessment and adaptation to risk in the face of uncertainty]. *Sociologicheskaya nauka i social’naya praktika*. № 4. P. 154–168. (In Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6808

Kahneman D., Slovic P., Tversky A. (Eds.) *Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases*. Cambridge: University Press, 1982. 555 p.

The article was submitted on May 22, 2020. Accepted on June 10, 2020.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mozgovaya Alla Viktorovna – Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: mozgovai@yandex.ru

OrcidID: 0000-0001-6810-5931

Scopus Author ID: 56153967200